

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.93.13.007

**Зоолексема аю / баавгай / баабгай «медведь»
в монгольском охотничьем лексиконе: на
материале текстов сказок и нескладочной прозы**

Омакаева Эллага Уляевна

Кандидат филологических наук,
доцент,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358000, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: elomakaeva@mail.ru

Санжиева Данага Климова

Заместитель директора по учебно-воспитательной работе
(по школьному и дошкольному образованию),
Муниципальное общеобразовательное казенное учреждение
«Крутогоровская средняя школа»,
684220, Российская Федерация, Камчатский край, Соболевский район,
поселок Крутогоровский, ул. Сахалинская, 34;
e-mail: danara1977@mail.ru

Каруева Виктория Валерьевна

Ассистент,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358000, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: vika.karueva@gmail.com

Исследование выполнено в рамках внутривузовского научного проекта № 1120 (КалмГУ).

Аннотация

Исследования взаимодействия человека и мира фауны в этническом и антропологическом контекстах проводятся в рамках этно- и антропозологии. Для нас особый интерес представляет языковая интерпретация представлений о животном мире на материале фольклорных текстов. Реконструкция анималистического фрагмента языковой картины мира (далее ЯКМ) является сегодня востребованным направлением этнолингвистики, предметом изучения которой выступает язык в отношении к культуре народа. Лексикон монгольских языков включает в свой состав самые разнообразные группы слов, отображающие занятия охотой. Ведь в древности охота была одним из важнейших способов жизнеобеспечения человека, главным источником выживания и существования. Особое место в словарном составе языка занимает анималистическая лексика (лексика фауны), или зоолексикон. Речь идет о словах, обозначающих

представителей животного мира, в том числе диких животных, а именно медведя. Сопоставительное изучение названий животных как одного из важнейших тематических пластов лексики в родственных языках является насущной задачей современной лингвистики. Зоологическая номенклатура имеет давнее происхождение. Наше обращение к наименованиям медведя как архетипического образа тем более актуально, что к изучению анималистической лексики с целью реконструкции соответствующего фрагмента ЯКМ монголоязычных носителей применен кластерный подход.

Для цитирования в научных исследованиях

Омакаева Э.У., Санжиева Д.К., Каруева В.В. Зоолексема *аю* / *баавгай* / *баабгай* «медведь» в монголоязычном охотничьем лексиконе: на материале текстов сказок и несказочной прозы // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5А. С. 339-345. DOI: 10.34670/AR.2020.93.13.007

Ключевые слова

Лингвистика, сказки, развитие, филология, текст.

Введение

Предпринятое нами сопоставительное описание ключевой зоолексемы *аю* / *баавгай* / *баабгай* ‘медведь’ на материале калмыцких, монгольских и бурятских текстов направлено, в первую очередь, на выявление особенностей мировосприятия монголоязычных этносов. В качестве материала исследования были привлечены сказки и легенды, а также лексикографические источники.

Нас интересуют калмыцко-монгольско-бурятские схождения и различия в лексических номинациях медведя. В монголистике таких работ мало. Между тем сопоставление анималистических фрагментов ЯКМ носителей монгольских языков важно для разработки адекватной методики обучения калмыцкому, монгольскому и бурятскому языкам в этноориентированной парадигме.

Основная часть

Если в калмыцком языке *аю* – это тюркизм, то в бурятском и монгольском мы находим идентичное название – *баабгай* / *баавгай*.

Медведь является одним из самых почитаемых анималистических образов, многовековым символом России [Лукин, 2007]. Он занимает особое место в мифологических представлениях народов мира [Иванов В.В., Топоров, 1988] и особенно народов Сибири, у которых издревле существует культ медведя [Потапов, 1928; Соколова, 2002; Бутанаев, 2000].

Образ медведя известен с глубокой древности. Он нашел отражение в материальной и духовной культуре многих народов Евразии: в фольклоре, верованиях и обрядности. Обращение к соответствующей этнографической литературе показывает, что обряды и ритуалы, связанные с охотой на медведя, зафиксированы исследователями у многих народов Сибири, в том числе у тофалар [Рассадин, 2013]. Охотник, убивая зверя, выполняет ряд действий, которые указывают на уважительное отношение к добыче, в противном случае в будущем охотничья удача от него отвернется.

Буряты с большим уважением относились к медведю: они называли его *баабгай* (*баабай* + *абгай*). *Баабай* означает «отец, предок, праотец, старший брат, старшая сестра». Слово *абгай*

служит наименованием старшей сестры, жены старшего брата, старшего брата. Исследователи приходят к мнению, что термин *баабгай* - это не что иное, как общее определение всех живущих и умерших старших родственников [Бадмаев, 2000].

Другое название медведя в бурятском языке — *гуроохэн*: *хара гуроохэн* ‘черный медведь’, *сагаан гуроохэн* ‘белый медведь’. В монгольском языке композит *өтөг баавгай* обозначает медведя-самца.

Модель ассоциации «медведь»—«человек» универсальна, но в каждой лингвокультуре имеются идоэтнические черты. В русском языке данная лексема манифестирует неуклюжего, грубого, невоспитанного, недалекого человека. Хорошо известно фразеологическое выражение *медвежья услуга* [Фасмер, 1986], восходящее к басне Жана де Лафонтена «Медведь и садовник» (1678): медведь отгонял муху от лица спящего человека и в результате разбил ему камнем голову. Речь идет о неумелой помощи, приносящей вместо пользы вред и влекущей за собой неприятности (уместно вспомнить басню И. А. Крылова «Пустынный и Медведь»).

У монголов, как и у русских, с медведем ассоциируется физическая сила, так называют мужчину крупного богатырского телосложения (ср. рус. *здоровый, как медведь*). Русское выражение *делать из мухи слона* означает сильно преувеличивать, превращая пустяк, какой-то малозначимый факт в значительное событие. В бурятском языке в аналогичном выражении вместо слона фигурирует медведь: *батаганаае баабгай болгохо* ‘из мухи делать медведя’. Медведь является героем многих русских сказок.

Лексическая экспликация анималистического образа в монголоязычном сказочном дискурсе представляет особый интерес. Термин «сказочный дискурс» используется нами как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская, 2001, с. 14] и, несколько шире, как совокупность текстов, характеризующихся специфическими языковыми особенностями: лексическими, синтаксическими и т. д. Такой подход использовался ранее при дискурсивном анализе калмыцких песенных текстов [Омакаева, 2012]. Попытаемся выявить лингвокультурологический потенциал лексемы *аю / баавгай / баабгай* ‘медведь’ в сказочном текстообразовании.

Медведь является персонажем ряда калмыцких сказок. Истории публикаций и переводов калмыцких сказок о животных посвящены работы Т. Г. Басанговой [Басангова, 2017] и других калмыцких фольклористов. Один из выпусков серии «Сказки народов Евразии» называется «Сын медведя».

Впервые познакомил европейцев с калмыцкими сказками Б. Бергман, который в начале XIX в. записал ряд сказочных сюжетов, в том числе «Аю Чикт» (Медвежьеухий) [Bergmann, 1805]. В волшебной сказке «Аю Чикт болн Авха цецн» («Аю Чиктя и мудрая Авха») говорится о человеке с таким прозвищем: *Жил эргв, дү көвүн харв, Аю Чикт гиж нер өгв* ‘Год прошел, родился братишка, дали имя Аю Чиктя’. Упомянем также богатырскую сказку «*Аюһин көвүн Алвт Хар*» («Сын медведя Алват Хар») [Хальмг унн, 2006, с. 129–144], «*Аю ноха хойр*» и др.

Анализ легенд и сказок о медведе, бытовавших у монголоязычных народов, обнаруживает сложный комплекс представлений о нем как о священном (сакральном) животном. В сказках монгольских народов отмечен мотив превращения человека в медведя. Медведь когда-то был человеком, причем не простым, а царем. Поэтому его называли «*Царь-человек*» (*Хан хүн*).

Как отмечает Г. Р. Галданова, «у бурят существует легенда, согласно которой медведь раньше был человеком, обладавшим колдовской силой, обеспечивающей ему обильную добычу на охоте. Однажды друг этого человека из зависти сжег его одежду, когда он, превратившись в медведя, ушел в тайгу охотиться. Поэтому он не смог снова стать Человеком и остался навсегда в облике медведя. Он унес из селения женщину, от которой родились медвежата» [Галданова, 1981, с. 59].

Идея тождества человека и медведя выражена уже в названии бурятской сказки «Баабгай хүн» («Человек-медведь»). Вариант этой сказки называется «Баабгай хаанаһаа бии болооб?» («Откуда появился медведь?»).

Приведем текст сказки: «В прошлые давние времена жил один человек. Каждый день он уходил на охоту, но никогда не приносил домой добычи. Жена стала думать, в чем дело. Однажды, когда муж отправился на охоту, она пошла за ним следом. И видит: муж подходит к одинокому дереву, бросает ружье, три раза против солнца дерево обежал и, превратившись в медведя, убежал в лес. Только вечером медведь выбежал из леса, снова обежал то дерево три раза, но уже по солнцу, и превратился в человека. Взял он ружье и пошел домой. Жена его опередила и, когда он пришел, спрашивает как ни в чем не бывало: «Что сегодня принес? Муж ответил, что ничего не добыл. Назавтра она опять пошла в лес за мужем. И все повторилось. Но на третий день жена взяла и срубила то дерево.

Сколько ни бегал медведь вокруг срубленного дерева, так и не смог превратиться обратно в человека. Заревел медведь и побежал в лес. С тех пор больше не возвращался. Вот почему медведь, особенно когда с него шкуру снимут, так похож на человека, а мясо медведя служит человеку лекарством» [Баабгай хүн, www...].

Считается, что каждый охотник может убить строго определенное количество медведей, а именно 99. Этот запрет нарушать нельзя. Если это все же случится, то охотник поплатится своей жизнью: его «непреренно сотый медведь задавит» [Хангаловъ, 1903, с. 198]. Если медведь встретился путнику, тот должен попросить его уступить дорогу и не трогать, отпустив восвояси.

Заключение

Образ медведя отражает не только его реальные качества, свойства, характеристики, особенности нрава, но и соотносится в сознании человека с чертами характера, привычками и поведением людей.

Сопоставительное исследование номинаций медведя в калмыцком, монгольском и бурятском языках, а также анализ «медвежьих» мотивов в монгольском фольклоре способствуют выявлению особенностей национального мировидения, идиоэтнической специфики языковой картины мира как калмыков, так и других монгольских народов.

Библиография

1. Alves R.R.N., Souto W.M.S. Ethnozoology: A Brief Introduction // Ethnobiology and Conservaton. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 1–13.
2. Воробьев Д. В. Этнозоология или взаимодействие человека с миром фауны? (введение) // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 5-12.
3. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
4. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 173 с.
5. Дмитриева Т. Н. Медведь в лексике и топонимии казымских хантов // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 33-39.
6. Oмакаева E.U., et. all (2018). Zoo Lexicon, Written and Musical Sources of Mongolian-Speaking Peoples. In: Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). Vol. 8, Issue 11, November. Pp. 992–997.
7. Омакаева Э.У., Борлыкова Б.Х. Калмыцкие песни из коллекции финского монголиста Г. Рамстедта: кластерное описание лексики // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 133-144.
8. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XX веках. М.: Восток-Запад, 2007. 608 с.
9. Иванов В.В., Топоров В.И. Медведь // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Рос. энцикл., 1988.
10. Потапов Л. П. Пережитки культа медведя у алтайских тюрков // Этнограф-исследователь. № 2-3. Л., 1928. С. 15-28.

11. Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / Н. А. Алексеев, А. А. Бадмаев [и др.]. Новосибирск: [б. и.], 2000. 104 с.
12. Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41-62
13. Бутанаев В. Я. Медведь по воззрениям хакасов // Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 65-68.
14. Медведева Г.В. Медвежий культ и отражение его в устной народной прозе русских старожилов Восточной Сибири: семантика, сюжетно-мотивный фонд нарративов, номинации. Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2010. 545 с.
15. Дугаров Р.Н. Культы животных в традициях хори-бурят. Улан-Удэ, 1999.
16. Цыренова И. С. Реликты медвежьего культа в культуре бурят // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур: Материалы IV междунар. симпозиума. 25–28 сентября 2003 г. –Т. 2.– Улан–Удэ, 2003. С. 215–222.
17. Цыренова И.С. Культ медведя в мифологической и фольклорно-эпической традиции бурят // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии. Улан–Удэ, 2004. –Т. 1. –С. 188–213.
18. Цыренова И. С. Медведь в традиционных представлениях бурятских охотников // Сибирь: Этносы и культуры. – Вып. 9. Этнические процессы и традиционная культура. – М.–Улан–Удэ, 2005. –С.116–129.
19. Рассадин В. И. О культе медведя у тофаларов [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. Электр. журнал. 2013. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6481-rassadin.html (дата обращения: 23.11.2020).
20. Бадмаев А. А. Реликты культа медведя в культуре бурят // Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 68-72.
21. Фасмер М. Медвежья услуга // Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Том 2 / Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. С. 589-590.
22. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11-22.
23. Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 21-27.
24. Басангова Т. Г. Калмыцкие сказки о животных (из истории публикаций и переводов) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 1. С. 49-54.
25. Сказки народов Евразии. Сын медведя / сост., автор предисловия Е. Э. Хабунова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 199 с.
26. Bergmann V. Nomadische Streifereien unter Kalmucken in den Jahren 1802 und 1803. 4 Theile. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.
27. Хальмг туульс. III боть. Нээрүлж кевллд белдж диглснь Н.Н. Мусова, Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1972. 250 х.
28. Аю ноха хойр: хальмг улсин тууль // Хальмг унн. 2006. Лу сарин 4 (2 февр., № 17-18). X. 14.
29. Галданова Г. Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. 1981. С. 56-69.
30. Баабгай хүн // Электронный ресурс: <http://baikal-tnles.ru/tales/1/1047/>.
31. Хангаловъ М. Н. Балаганскій Сборникъ. Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды у сѣверныхъ бурятъ / Подъ редакціей Г. Н. Потанина. Томскъ: Паровая типо-литографія П. И. Макушина, 1903. 289 с.

Toolexam Ayu / baavgai / bhabhi “bear” in Mongolian hunting lexicon: based on the texts of fairy tales and non fairy-tale prose

Ellara U. Omakeeva

PhD in Philology,

Associate professor,

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,

358000, 11, Pushkina st., Elista, Russian Federation;

e-mail: elomakeeva@mail.ru

Danara K. Sanzhieva

Deputy Director for educational work (for school and preschool education),
Municipal General Education Government Institution "Krutogorovskaya Secondary School",
684220, 34 Sakhalinskaya str., Krutogorovsky village,
Sobolevsky district, Kamchatka Krai, Russian Federation,
e-mail: danara1977@mail.ru

Viktoriya V. Karueva

Assistant,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
358000, 11, Pushkina st., Elista, Russian Federation;
e-mail: vika.karueva@gmail.com

Abstract

Studies of the interaction of man and the world of fauna in ethnic and anthropological contexts are conducted within the framework of ethno- and anthropolinguistics. We are particularly interested in the linguistic interpretation of ideas about the animal world based on folklore texts. Reconstruction of the animalistic fragment of the linguistic picture of the world (hereinafter referred to as YAKM) is today a popular direction of ethno- and anthropolinguistics, the subject of which is language in relation to the culture of the people. The lexicon of Mongolian languages includes a wide variety of groups of words that reflect hunting activities. After all, in ancient times, hunting was one of the most important ways of human life support, the main source of survival and existence. A special place in the vocabulary of the language is occupied by the animalistic vocabulary (the vocabulary of fauna), or zoolexicon. We are talking about words that denote representatives of the animal world, including wild animals, namely the bear. Comparative study of animal names as one of the most important thematic layers of vocabulary in related languages is an urgent task of modern linguistics. Zoological nomenclature has a long-standing origin. Our appeal to the names of the bear as an archetypal image is all the more relevant because a cluster approach is applied to the study of animalistic vocabulary in order to reconstruct the corresponding fragment of the YAKM of Mongolian speakers.

For citation

Omakeeva E.U., Sanzhieva D.K., Karueva V.V. (2020) Zooleksema ayu / baavgai / baabgai "medved" v mongoloyazychnom okhotnich'em leksikone: na materiale tekstov skazok i neskazochnoi prozy [Toolexam Ayu / baavgai / bhabhi "bear" in Mongolian hunting lexicon: based on the texts of fairy tales and non fairy-tale prose]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (5A), pp. 339-345. DOI: 10.34670/AR.2020.93.13.007

Keywords

Linguistics, fairy tales, development, philology, text.

References

1. Alves R.R.N., Souto W.M.S. Ethnozoology: a Brief Introduction // *Ethnobiology and Conservaton*. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 1–13.

2. Vorobyov D. V. Ethnozoology or human interaction with the world of fauna? (introduction) // ethnographic representation. 2018. No. 4. pp. 5-12.
3. Tolstoy N. I. language and folk culture: essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow: Indrik, 1995. 512 P.
4. Dzhambalova S. G. traditional hunting of Buryat. Novosibirsk: Nauka publ., 1991. 173 P.
5. Dmitrieva T. N. bear in vocabulary and toponymy of kazymytsky khantov // onomastics and dialect vocabulary. "No," I said. 2. Yekaterinburg, 1998. Pp. 33-39.
6. Omakaeva E.U., et. all (2018). Zoo Lexicon, Written and Musical Sources of Mongolian-Speaking Peoples. In: Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). Vol. 8, Issue 11, November. Pp. 992–997.
7. Omakaeva E. U., Borlykova B. H. Kalmytsky songs from the collection of Finnish Mongolia G. Ramsted: cluster description of vocabulary // baaza-bagshi and its spiritual heritage. Elista: Kalmgu, 2013. Pp. 133-144.
8. Lukin A.V. bear watches the Dragon. The image of China in Russia in XVII-XX centuries. Moscow: Vostok-Zapad publ., 2007. 608 P.
9. Ivanov V. V., Toporov V. I. Medvedev // myths of narodov Mira: Encyclopedia. Moscow: Ros. the Encyclopedia., 1988.
10. Potapov L. P. Perezhitki cult of the bear in Altai tyurkov // ethnographer-researcher. NO. 2-3. L., 1928. PP. 15-28.
11. Narodny Sibiri: history and culture. Bear in ancient and modern cultures of Siberia / N. A. Alekseev, A. A. Badmaev [and others.]. Novosibirsk: [B. I.], 2000. 104 c.
12. Sokolova Z. P. cult of the bear and the Bear Festival in the world of peace and culture of the peoples of Siberia // ethnographic representation. 2002. No. 1. pp. 41-62
13. Butanaev V. Ya. bear on the rise of khakasov // bear in ancient and modern cultures of Siberia. Novosibirsk: izd-Vo IEP co ran, 2000. Pp. 65-68.
14. Medvedeva G. V. Medvezhy cult and reflection of it in the last folk prose of Russian starozhilov East Siberia: semantics, plot and motivational fund narratives, nomination. Irkutsk: Ooo "Reprocenter A1", 2010. 545 P.
15. Dugarov R. N. Cult of animals in the traditions of Hori-Buryat. Ulan-Ude, 1999.
16. Tsirenova I. S. relict bear culture in Buryat culture // ethnocultural education: improving the training of specialists in traditional culture in the region: material IV International. the symposium. 25-28 September 2003 G. T. 2. Ulan-Ude, 2003. p.215-222.
17. Tsyrenova I. S. cult of the bear in the mythological and folklore-epic tradition of the Buryat // cultural expanse of eastern Siberia and Mongolia. Ulan-Ude, 2004. Vol. 1. Pp. 188-213.
18. Tsyrenova I. S. Bear in traditional representations of buryatsky hunters // Siberia: Ethnos and culture. "No," I said. 9. ethnic process and traditional culture. Moscow-Ulan-Ude, 2005. Pp. 116-129.
19. Rassadin V. I. O cult of the bear tofalarov [electronic resource] // new studies of Tuva. Electricity. magazine. 2013. # 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6481-rassadin.html (date: 23.11.2020).
20. Badmaev A. A. relict cult of the bear in Buryat culture // the bear in ancient and modern cultures of Siberia. Novosibirsk: izd-Vo IEP co ran, 2000. Pp. 68-72.
21. Fasmer M. Bear service // Etymological Dictionary of the Russian language. In Volume 4, Volume 2 / translation with him. and additions by O. N. Trubacheva. 2nd ed."no," I said. Moscow: Progress Publ., 1986, Pp. 589-590.
22. Chernyavskaya V. E. discourse as an object of linguistic research // text and discourse. The problem of economic discourse. SPB.: Izd-Vo Spbguef, 2001. pp. 11-22.
23. Omakaeva E. U. problem of textual interpretation in folklore discourse: genre of kalmytskyi songs in the light of lexicographic and Corps approaches // Bulletin of the Kalmytskyi Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 1. pp. 21-27.
24. Basangova T. G. kalmytsky stories about animals (from the history of publications and translations) // Izvestia Dagestan State Pedagogical University. Social and humanitarian Sciences. 2017. VOL. 11. NO. 1. PP. 49-54.
25. Narodov stories of Eurasia. "I'm sorry," he said., author predislovia E. E. Habunova. Elista: Yes, Kalm. in UN, 2017. 199 P.
26. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter Kalmucken in den Jahren 1802 und 1803. 4 Theile. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.
27. Halmg tuuls. Bot III. "I don't know," he said. Elst: Halmg degtr harhach, 1972.250 x.
28. Ayu Noha hoyr: halmg ulsin Tuul // Halmg UNN. 2006. Lu sarin 4 (2 Feb., № 17-18). H. 14.
29. Galdanova G. R. recognition of animals in Buryats // Buddhism and traditional beliefs of the peoples of Central Asia. 1981. pp. 56-69.
30. Baabgay Hun // electronic resource: <http://baikal-tales.ru/tales/1/1047/>.
31. Hangalov M. N. Balagansky Sbornik. Stories, stories and stories about Buryat / Deputy Editor G. N. Potanina. Tomsk: Steam typo-lithograph by P. I. Makushina, 1903. 289 P.